

стью программа полной занятости населения, уже де-факто реализованная при Трампе и теперь скорее усугубляющаяся и становящаяся проблемой. Скорее всего, даже с учетом возможного ослабления жесткости иммиграционной политики при Байдене стоимость труда в США будет расти. Тем более что Демпартия видит в этом не сложность, а достижение: для бизнеса опасность происходящего скорее в превращении США как рынка труда в гигантскую Швейцарию, в дальнейшем гиперразвитии рынка услуг, изменении корзин стандартного потребления, возможно — ускорении роста строительного рынка. Как и все поклонники «Нового курса» 1930-х годов, Байден и коллеги поклоняются идее масштабной реконструкции автодорожной сети, строительства энергоэффективной госнедвижимости, расширения сети социального жилья. Президентство Барака Обамы уже показало ранее, что при всей красоте и масштабности планов реализация их может быть в большой степени косметической (реальные госинвестиции «Нового курса» сопровождалась крупнейшими социальными потрясениями и огромной трансформацией рынков, затушеванной последующей Второй мировой). Тем не менее что-то будет строиться, обновляться, создаваться, и среди этого неизбежно будут «стройки века», всегда стоящие больше, чем нужно.

Отметим, что для развивающихся рынков этот сценарий на краткосрочном и среднесрочном горизонтах — очевидное благо. Если все сойдется, то при достаточно сильно испортившихся

«Новый курс» Байдена будет стоить дорого, и бизнесу в этом дирижизме неизбежно будет отводиться меньше места, чем обществу

ся ранее отношениях США с Китаем и довольно значимых изменениях на собственном китайском рынке возврат масштабных американских инвестиций в ЮВА, Восточную Европу, а также Латинскую Америку и, возможно, в Индию — вопрос времени. И даже если отношения с Россией при Байдене будут у США хуже, чем при Трампе (что очень вероятно), — часть этого потока до российской юрисдикции и в российские проекты, безусловно, дойдет. Не будем говорить также и о том, что среднесрочно зеленые увлечения демократов на деле увеличивают цены на энергоресурсы: Байден для России — это скорее относительно дорогая нефть и металлы. И не так важно, что они Россией поставляются в основном не на тот берег Атлантики: Евросоюз, сейчас горячо приветствующий приход Байдена и демократов к власти, будет немного конкурентоспособнее по отношению к США, которым он в последние десятилетия проигрывал все, что можно было проигрывать. Большой спрос в ЕС — больше российских прибылей от экспорта в Европу: с этой логикой можно жить.

Наконец, сама по себе идея повышенного прогрессивного налогообложения богатых домохозяйств в США (по программе Байдена — с доходами свыше \$400 тыс. в год, несколько процентов населения США) вряд ли существенно изменит экономическую картину, хотя и обсуждается в США много больше корпоративных налогов. Можно лишь предположить, что демократическая администрация вряд ли будет избыточно усердствовать в реализации этих планов, которые сами по себе уровень национального богатства изменить не в состоянии, а мировая борьба с офшорами, которая при Трампе никуда не делась, будет продолжать вестись ни шатко ни валко. Добавим к этому, что вряд ли в нынешних условиях демократы будут что-то делать с явно раздутой американской фарминдустрией и с пока вполне здоровой инновационно-технологической сетью, вряд ли что-то в состоянии сделать с американской системой образования (в том числе с университетской сетью) и вряд ли могут как-либо значимо изменить порядок вещей в американской системе здравоохранения.

Тем более что, как «Деньги» уже писали ранее, основная задача администрации Байдена — не столько сделать что-то новое, сколько вернуться в старое доброе время Барака Обамы. С этого момента, как выясняется, изменилось так многое (и в основном совсем не по вине Дональда Трампа), что стоимость такой программы возвращения экономики США к демократическим истокам ради дальнейшего движения в правильном (социал-демократическом, близком к европейскому) направлении поглотит в следующие четыре года и большую часть бюджета на перемены, и, видимо, большую часть времени администраторов.

И на пути этого возвращения будет множество препятствий. Это и существенно изменившееся отношение к международной политике во всем мире (она стала более «силовой», более циничной и меньше ориентируется на глобальные институты, которые, как выясняется в последние годы, коррумпированы на порядок сильнее национальных правительств), и подстегнутые COVID-19 перемены в структуре занятости во всем мире, и сверхбыстрая трансформация медиа, и, видимо, изменение отношения к понятию «золотого миллиарда». Во многом развитие экономики США строилось на том, что именно эта страна является флагманом социального, научного и технологического развития, движение по пути прогресса — это стремление стран включить себя в «золотой миллиард», которое, возможно, утеряно. В общем, уже нельзя вернуться в Европу до Brexit, в Китай до председателя Си, в Россию президентства Дмитрия Медведева, во Францию до волны исламских терактов, но невозможно вернуться и в США почти без Facebook и Twitter, без сети складов Amazon, без электромобилей Tesla и без статуса США как экспортера энергоресурсов. Можно пойти на компромисс с изменившейся Америкой и изменившимся миром, сделав вид, что ничего не изменилось, но каждый такой компромисс будет новостью, и часто — довольно болезненной: конфликтность и волатильность, как бы этого ни хотел Джо Байден, неизбежно будут сопровождать начинания его команды, выглядящие как рациональными, так и радикальными.

Разумеется, эксцентричность Дональда Трампа эти эмоции будущего не перебьют. Но с немалой вероятностью его президентство уже достаточно скоро будет вспоминаться как относительно спокойное время: все было хорошо, если бы не коронавирус. Это потрясение политики вряд ли могут своими действиями превзойти, хотя как знать. ●